

УДК 821.161.1 «20»

**КАТЕГОРИЯ СТРАДАНИЯ В ДРАМЕ Е.Н. ЧИРИКОВА
«КРАСНЫЙ ПАЯЦ И БЕЛАЯ ПЬЕРЕТТА»**

© 2013 г.

В.Б. Белукова

Московский государственный областной университет

zaglobav@mail.ru

Поступила в редакцию 06.08.2012

Рассматривается выражение категории страдания в драме Е.Н. Чирикова «Красный Паяц и белая Пьеретта» как во внутренних, так и внешних аспектах; показано, в чём заключаются особенности драмы Е.Н. Чирикова о гражданской войне, как выраженная в драме категория страдания раскрывает существенные характеры героев. Данный подход позволяет углубить и расширить существующие интерпретации произведения.

Ключевые слова: категория страдания, Чириков, «Красный Паяц и белая Пьеретта», протагонист, антагонист, любовь, катарсис, спасение.

Е.Н. Чириков (1864–1932) до революции 1917 года был очень известным и уважаемым писателем, добрым приятелем А.М. Горького, хорошим знакомым В.И. Ленина, однако после Октябрьской революции их пути разошлись: Е.Н. Чириков, не приняв большевиков, вынужден был эмигрировать. Его не миновало ни одно страдание: в молодости хоть и недолго, но находился в заключении, пережил страсти и горечь Первой мировой и Гражданской войны, надежду и разочарование русских революций. Осмысление происходящего как со страной, так и с отдельной личностью стало главной темой в эмиграционном творчестве писателя: насыщенная событиями и переживаниями внешняя жизнь писателя давала источник его писательской работе. В России пользовалось большой популярностью 17-томное собрание сочинений писателя, среди которых важное место занимают пьесы, особенно две – «Евреи» (1903) и «Мужики» (1906). В эмиграции публиковать литературные произведения было сложно, но пьеса «Красный Паяц и белая Пьеретта» (1922) долгое время там была очень востребована. По свидетельству внука писателя, Евгения Евгеньевича Чирикова, в чьём архиве хранится авторский экземпляр, драма и при жизни автора и после его смерти часто ставилась на европейских театральных подмостках.

Главный конфликт в драме Е.Н. Чирикова «Красный Паяц и белая Пьеретта» заключён в противостоянии полярных сил и противоположных позиций персонажей, сложные взаимоотношения которых можно отнести к *категории страдания*, что предстаёт неотъемлемой доми-

нантой человеческой души и является «ценностной этико-эстетической категорией русской литературы и отечественного литературоведения» [1]. Для Е.Н. Чирикова, хранителя традиций великой русской литературы, душа человека была самой величайшей тайной, а изучение «истории души человеческой, хотя бы самой мелкой души» (Лермонтов), оставалось актуальным. Внимательное прочтение драмы «Красный Паяц и белая Пьеретта» [4, 5] позволяет сделать вывод, что автор, исследуя категорию любви – душу человеческую, переживавшую драму любви в годы социальных потрясений, понятие греха (грех убийства, самоубийства, предательства), как глубокий психолог обращается к категории страдания в качестве основополагающего понятия, характеризующего протагониста/антагониста произведения. Категория страдания, предполагающая «возвращение к православному» [1], несомненно, принимает всё большую значимость для понимания творчества любого крупного писателя, в том числе и Е.Н. Чирикова. Следует отметить, что сюжет о Ней и Нём «во время террора» был использован писателем и в рассказе «Любовь», и в повести «Красный паяц» [2, 3, 6].

Категория страдания находит своё место в произведениях как русской классики – от Карамзина до Бунина, так и писателей XX века. Е.Н. Чириков не исключение: мотив страдания, присутствующий практически во всех его произведениях, раскрывается в различных вариантах: это и описание страданий человека от потери близких, *нестроения души* – неверия в спасительную силу молитвы, бессилия прекра-

тить страдания человечества. Часто физические муки, которые испытывает герой, гораздо меньше доставляют ему горя, нежели муки моральные, отнимающие спокойствие, терзающие душу, поселяющие страх и злобу.

На фоне Гражданской войны в драме Е.Н. Чирикова дан типичный «любовный треугольник»; чаша страданий была тогда столь велика, что, казалось, страдания любовные не могут занимать человека, но автор, развёртывая действие, заглядывает в самые сокровенные уголки души человеческой и показывает, как наличие /отсутствие любви решает в итоге жизнь персонажа. Фраза Л.Н. Толстого: «Когда человек ищет благо во всём, кроме любви, он все равно как во мраке ищет пути. Когда же он познал, что благо и его и всего существующего – в любви, так солнце взошло, и он видит свой путь и не может уже хвататься за то, что не даёт ему благо» [8, с. 129] – служит надёжным камертоном при определении категории страдания в драме Е.Н. Чирикова. Любящий мужчина (Муравьёв) смог задушить в себе зарождающееся зло – за это он заплатил жизнью; судьба спасённой им Елены, слишком поздно понявшей высоту души всю жизнь любящего её Муравьёва, весьма неопределённа, автор только даёт надежду, что героиня спасётся; приспособленец (Струйский) сохранил свою жизнь, но вверг в геенну огненную свою душу. Персонажи драмы, блуждая во мраке неизвестности, вражды, пытаются найти выход, боясь поначалу найти его в любви, но всё же любовь оказывается победительницей. Остроту произведению придаёт политическая расстановка сил: в центре драмы – Александр Муравьёв, страшный комиссар из ЧК, безжалостный и беспощадный. Автор не идеализирует героя: в картине первой пролога показано, как без суда и следствия отправляет Муравьёв на расстрел обычных людей, городских обывателей, которых нельзя безоговорочно признать врагами советской власти, – студента Васильева, которого ни разу не допрашивали, сумасшедшего Пётра Никонова, «пропитанного ужасом человека неопределённых лет и профессии» Грядкова, некую Нину Темирязеву, купца Жилкина. Даже царский генерал, чьим внутренним достоинством был восхищён Муравьёв и которому тот не подал руки («Извините, господин полковник, я без перчаток!» [9, с. 164]), строго говоря, не уличён в противоправных действиях против режима – он просто царский генерал, служивший 30 лет «верой и правдой царю и отечеству», который уже «никого и ничего не боится, кроме Бога...» [9, с. 164]. Но всех их ожидал один приговор – рас-

стрел. За что? Почему? Тюрьмы переполнены, а народ арестованный прибывает, надо освободить помещение...

Даже сейчас, спустя 90 лет после окончания Гражданской войны в России, страшно читать эту правдивую летопись нашей прошлой жизни: каждое слово драмы дышит правдой, свидетельствует о виденном и пережитом автором. Как могла овладеть людьми такая демоническая сила, хладнокровно указывающая, кому жить, а кому умереть?!..

Из действия мы узнаем, что некогда Муравьёв стоял на достаточно высокой ступени того социально детерминированного общества, в котором он находился по факту своего рождения и по своим, как он думал, личным заслугам. Но вот обстоятельства жизни изменились: оказалось, что Муравьёв – аристократ не «чистокровный», а «маргариновый»: сын помещика, высокородного дворянина, и его *дворовой* девушки, то есть незаконнорожденный. Отвернулись не только товарищи по полку, где он был «не из последних удалцов», но и любимая им Елена. Конечно же, можно рассмотреть это как внешнюю причину оскорблённого самолюбия и желания за это мстить всем и вся, но характер героя гораздо глубже: не только страдания выкинутого из привычной среды человека показывает нам автор в лице Муравьёва – тот страдает от укоренившегося в царской армии приспособленчества, карьеризма, протекционизма, трусости, предательства идеалов, но и от измены любимой женщины – Елены Зборовской, некогда бывшей его невестой.

Не сразу раскрывает нам автор серьёзные причины перехода Муравьёва на сторону красных, где, как тому казалось, будет всё не так, как в царской армии, когда было возможно, чтобы «генерал Лопихин, воспротивившийся приказу отступления и разбивший по численности втрое сильнейшего неприятеля, получил за это выговор, я, лично захвативший неприятельскую батарею, ничего не получил, а генерал, отдавший приказ об отступлении и отсиживавшийся за пять вёрст от боя, получил золотое оружие с надписью «С нами Бог!» [9, с. 171]. Личные, *внутренние*, страдания Муравьёва перемешаны с общественными, *внешними*: и в старом обществе, и в новом оказались не нужны его профессиональные навыки, ум, честность, храбрость, служение народу, которое выражалось тогда формулой «царю и отечеству», верность слову. Неоднозначная сложная личность, Муравьёв оказался не востребуемым: и там, и здесь он был смешон окружающим за то, что умел сильно и безответно любить женщину, поклоняться облику

своей Прекрасной Дамы, поставить её жизнь и честь выше своей жизни. Там он – «маргаринный» аристократ, здесь – тоже не ко двору: заявление Муравьёва «твой Губком – дурак» [9, с. 169] шокирует приставленного к Муравьёву Баранчука. Настораживает коллегу Муравьёва по ЧК ещё и то, что Муравьёв часто рассуждает и поступает «как поэты и как романтики», живущие «вне времени и пространства» [9, с. 168]. Да, такое раздвоение личности, выразившееся в дихотомии «комиссар-зверь»/«поэт и романтик», не сможет долго существовать в среде красных, где сильно развито начётничество, злоба, ненависть, примитивизм мышления, необразованность, где не принимаются высокие трагедии Шекспира: Баранчук, например, считает, что «романтическую блажь» «идиота Ромео» тут же «как рукой сняло бы», когда тот «покрутился бы ночью три по-звериному с красивой здоровой бабой» [9, с. 173].

Моральное падение Струйского в драме подготовлено мелкими, но значительными деталями, автор показывает, что в душе Струйского всегда была некая червоточина: например, Струйский знал, что не заслужил Георгиевский крест, но принял его; знал, что Елена была невестой Муравьёва, но соблазнил её; впоследствии роман с женою генерала Зборовского был выгоден для продвижения по службе; знал, что по своим личным качествам Муравьёв достоин всяческого уважения, но не стал с ним драться на дуэли, объясняя свой отказ социальным неравенством («настоящие» аристократы не стреляются с «маргаринными»!). Мучают Струйского страдания только физические, например, муки голода: «Струйский: (торопливо глотая) Я со вчерашней ночи ничего не ел ещё...»!

Не видит и не хочет всего этого видеть лишь одна Елена: страдая от «несправедливости» к Струйскому со стороны Муравьёва, она не верит второму, что первый способен на предательство. Она, рискуя собой, выгораживает Струйского, берёт всю вину на себя, но автор готовится ей суровое испытание: лично убедившись, что она защищала подлеца и приспособленца, Елена поняла, что её страдания в душевной камере «чрезвычайки», набитой людьми всех сословий – от священника до проститутки, смешны и нелепы по сравнению с пережитым отчаянием, испытанным ею при виде недостойного поведения Струйского, ценой её чести спасавшего свою жизнь. Она понимает, что жить ей теперь незачем и пытается покончить жизнь самоубийством.

Но Е.Н. Чириков не позволяет своим героям погибнуть в темноте и заблуждении: любовь,

которая, по мнению автора, сильнее смерти, возрождает к жизни и раненую Елену, и даёт напоследок счастье мятущейся душе Муравьёва: для него признание Елены является наградой за столь долгую и преданную любовь. Сама она пережила катарсис, после которого жизнь снова для неё обрела смысл: «Зборовская: (после мучительной борьбы, закрыв лицо руками) Неужели Вы не понимаете, что... я люблю Вас... (бросилась ему на грудь, шепчет). Вернулось! Всё вернулось! Люблю, люблю! Хочу жить... или вместе умереть!..» [9, с. 196].

Е.Н. Чириков реализует высказанную в романе «Преступление и наказание» формулу Достоевского: «в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого». [8, с. 492]. Герой Чирикова будет расстрелян, причём в *побочном* тексте драмы, в ремарке эпилога, сказано, что руководит расстрелом человек, похожий на Струйского. Но Муравьёв счастлив, что спас Елену, что она больше не попадёт в тенёта Струйского – её перерождению способствовала любовь. Страдания Муравьёва закончились, страдания Елены, видимо, нет, но именно это оставляет надежду, что душа Елены не погибнет. Прозревшая Елена поняла, что её отношение к Струйскому было заблуждением, безумием, что она выдумала себе любовь к этому корыстному человеку. Расстрелявший Муравьёва Струйский, перефразируя Достоевского, не его, а «себя убил». По-своему *падшая женщина*, Елена переродилась, воплотив идею Е.Н. Чирикова, берущую своё начало в недрах русской классики, об очищении и воскрешении заблудшего человека, открывшего в себе силы страдать и любить.

Список литературы

1. Безруков А.А. Феномен возвращения к православному и категория страдания в русской классической литературе XIX века // Автореферат ... доктора филологических наук. Армавир, 2007 // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/> (дата обращения 23.05.2012).
2. Белукова В.Б. «Красный Паяц» Е.Н. Чирикова: рассказ, повесть, пьеса // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 27–28 июня 2005 г. Вып. 3. Ч. 1. Русская литература в России XX века / Редактор-составитель Л.Ф. Алексеева. М., 2006. С. 23–27.
3. Белукова В.Б. Любовь во дни террора: рассказ, повесть, драма Е.Н. Чирикова о Гражданской войне

// Вестник МГОУ, серия «Русская филология». № 2 . М., 2007. С. 122–126.

4. Белукова В.Б. «Красный Паяц»: герои/антигерои в произведениях Е.Н. Чирикова о Гражданской войне // III Севастопольские кирилло-мефодиевские чтения: сборник научных статей. Т. II. Севастополь, 2009. С. 9–15.

5. Белукова В.Б. Художественное своеобразие пьесы Е.Н. Чирикова «Красный Паяц и белая Пьеретта» // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы X Международной науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения» / Сост. А.В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 130–138.

6. Белукова В.Б. Любовь как один из главных нравственных ориентиров героев произведений Евгения Чирикова о Гражданской войне (по рассказу

«Любовь») // Нижегородский текст русской словесности: межвузовский сборник научных статей / Отв. ред. В.Т. Захарова. Н. Новгород, 2011. С. 272–278.

7. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 2005. 496 с.

8. Толстой Л.Н. Дневники // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 22. М., 1985. С. 129.

9. Чириков Е.Н. Красный Паяц и белая Пьеретта (Любовь во дни террора): Драма в 3 действиях с прологом и эпилогом // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 27–28 июня 2005 г. Вып. 3. Ч. 1. Литература русского зарубежья / Редактор-составитель Л.Ф. Алексеева. М., 2006. С. 161–196.

THE MOTIF OF SUFFERING IN THE DRAMA «RED JESTER AND WHITE PIERRETTE» BY E. CHIRIKOV

V.B. Belukova

Internal and external aspects of the expression of suffering in drama «Red Jester and White Pierrette» by E. Chirikov are examined. The features of the drama about the Civil War by E. Chirikov are discussed. Also, it is shown how suffering expressed in the drama reveals the essential characters of the heroes. This approach allows us to deepen the existing interpretation of the work.

Keywords: category of suffering, Chirikov, «Red Jester and White Pierrette», protagonist, antagonist, love, catharsis, redemption.